

ИЗ РУССКО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ПЕТРЕ ПЕРВОМ

Проф. С. Богоявленский

В конце XVII и начале XVIII в. сербы были разъединены на три группы: 1) собственно Сербия, Босния и Герцеговина находились под властью турок; 2) сербы, жившие в мало доступных горах Черногории, с трудом отстаивали свою независимость от окруживших их с трёх сторон турок, а на западе — от венецианцев, успевших захватить на Балканском полуострове значительную часть побережья Адриатического моря; 3) сербы, проживавшие на венгерской территории. Эти три группы жили обособленной жизнью, но сознавали свою общность по языку, культуре и религии. Находясь на стыке восточного — азиатского — и западного — европейского — мира, славяне Балканского полуострова оказались между молотом и наковальней.

Турки после неудачной осады Вены в 1683 г. терпели одно поражение за другим. Австрийские войска вытеснили их из Венгрии, а затем перешли Дунай и вступили в сербские земли, находившиеся под властью султана. Особенно успешной была кампания 1688 г., когда австрийцы прошли всю Сербию до Печи и Скопле, стремясь достигнуть побережья Эгейского моря и вытеснить турок с Балканского полуострова. Сербское население оказалось между двух огней. Оно много терпело от турецкого ига, от поборов и притеснений и мечтало об освобождении от турок. Но, с другой стороны, оно боялось стать на сторону «швабов», переменить одну зависимость на другую. Захватывая сербские земли, австрийцы показали своё настоящее лицо. Продвигаясь на восток, они, главным образом немцы и венгерцы, не собирались покидать Балканский полуостров по окончании войны с турками и предполагали онемечить сербов — заставить их принять католическую веру и немецкий язык.

При таких обстоятельствах взоры сербов обратились к единой России. От сербского патриарха Арсения Черноевича, сербских старшин, валашского господара Шербана и бывшего константинопольского патриарха Дионисия в Москву был отправлен архимандрит Исаия, родом серб, чтобы убедить правительство царевны Софьи оказать помощь балканским христианам, воспользоваться ослаблением турецких сил и направить против мусульман сокрушительный удар, а вместе с тем дать отпор и «папёжникам».

Подаявая грамоты от патриархов и господара, Исаия сообщил подробности о положении дел на Балканском полуострове. В настоящее время, говорил он, турки вследствие внутренних неурядиц и победоносного наступления австрийцев настолько ослабели, что настал крайне благоприятный момент для освобождения христианских народов от бурсурсманского ига. Турки боятся восстания угнетённых славянских народов и, отступая под натиском австрийских войск, массами уничтожают славянское население: уже более 300 тысяч перебито, очень многие перевезены в Малую Азию и обращены в рабство. Новый султан, продолжает Исаия, — «человек не военный и ничего не знает, а что ему говорят, того не понимает и, попросту молвить, — юрот и ничем не владетелен и на лошади сидеть не умеет и впредь от него ничего военного не чаять».

Теперь все славяне боятся того, что православными завладеют папёжники-австрийцы, ненавидящие православную церковь. Они отбирают православные церкви и обращают их в католические костёлы; они хуже бусурман, которые всё-таки не вмешиваются в дела религии. Пусть цари пошлют православным на помощь своё войско, родное по языку и вере. Помощь будет принята с восторгом даже со стороны славян, принявших магометанство, «которые великим государям поддадутся лучше, чем немцам, понеже все рождены от сербов и от болгар и от иных греческих народов»¹. Слово «греческий» в настоящем случае, очевидно, употреблено в смысле «греческой веры».

Едва архимандрит Исаия на обратном пути ступил на австрийскую землю, как был арестован и посажен в тюрьму за сношения с Россией, а вручённые ему ответные царские грамоты были отобраны. В этих грамотах сообщалось, что великие государи имеют непрестанное попечение о всех православных, «живущих под игом поганским», и отправляют ратных людей на крымцев, а потом и дальше на Белгородскую орду и за Дунай. Действительно, в сентябре 1688 г. правительством России был обнародован указ, чтобы ратные люди готовились к походу на крымских татар по первому весеннему пути. В указе о походе повторяется ряд выражений из показаний Исаии, что свидетельствует о большом впечатлении, произведённом речами посланца от угнетённых славян.

Крымский поход Голицына отвлек значительные силы татар, которые могли бы быть направлены против австрийского войска. В мае 1689 г. русские полки от Перекопа повернули обратно, и положение Австрии значительно осложнилось вследствие переброски крымских полчищ за Дунай. Тогда австрийцы постарались привлечь сербов на свою сторону. Сербский деспот Георгий Бранкович был пожалован титулом графа Римской империи, и австрийский генерал Пикколомини начал вести переговоры с сербским патриархом Арсением Черновицем и с сербским старшиной о переходе сербов в австрийское подданство на условиях широкой автономии. Главкомандующий австрийскими войсками герцог Людвиг Баденский издал прокламацию к жителям Сербии, Боснии, Герцеговины и Албании с приглашением подчиниться императору и, по словам патриарха Арсения, «за то всякие вольности обещал, а наипаче обнадёживал в вере православной пребывание без всякого гонения, по законам церковным и святых отец». Сербы приняли предложение австрийцев и с большим успехом сражались в их рядах. Когда сербам был отрезан путь к примирению с турками, отношение австрийцев к сербам резко изменилось. Одним из первых пострадал новый граф Римской империи, который в конце 1689 г. был арестован и просидел в австрийских тюрьмах до самой смерти, последовавшей в 1711 году. Таким путём был устранён человек, который пользовался большой популярностью среди сербов и мог объединить их для борьбы против австрийцев.

С зимы 1689—1690 г. военное счастье стало изменять австрийцам. Под напором турок австрийские войска начали отступление, перешедшее в настоящее бегство. За австрийцами потянулись и сербы с патриархом Арсением во главе, «бояся от бусурман за отступление от турка и за поддание цесарю мучения», как говорил Арсений². В апреле 1690 г. император Леопольд издал манифест с призывом к сербам ещё раз направить усилия в борьбе с турками, а в случае неудачи переселиться на венгерскую территорию, обещая им политическую и религиозную автономию. Но ничего уже не могло помочь: наступление турок завершилось 1 октября взятием Белграда и полным изгнанием австрийцев из

¹ Каптерев Н. «Приезд в Москву афонского архимандрита Исаии в 1688 г.» «Творения св. отцов». Кн. 3-я, стр. 275—285. 1889.

² Vanicek Fr. «Spezialgeschichte der Militärgrenze». Bd. I, S. 117—120; Schwicker «Politische Geschichte der Serben in Ungarn», S. 4—16.

сербских земель. На исход кампании повлияли два обстоятельства, нарушившие соотношение сил: выход России из числа активных участников войны и начавшаяся война Австрии с Францией, потребовавшая переброски части австрийских войск на берега Рейна.

Большинство сербов покинуло родные земли и во главе с патриархом Арсением перешло в Венгрию, где и раньше отдельными группами жили их соотечественники. Численность сербов, перешедших в Венгрию, определяется исследователями различно: от 100 до 600 тысяч человек, но большинство придерживается цифры в 37 тыс. семей. Во всяком случае, это было массовое передвижение населения сербской национальности. Сербские земли почти обезлюдели. Помимо тех сербов, которые ушли в Венгрию, немало переселенцев двинулось в Черногорию — под защиту её неприступных скал и воинственного населения. Немногие сербы, оставшиеся в родной стране, испытали на себе всю тяжесть мести турок, которых могла удерживать от поголовного истребления славян только мысль о том, что некому будет платить подати, и влияние визиря Мустафы Чуприлица, который считал опасным для Турции доводить храбрый сербский народ до полного отчаяния.

О тяжёлом положении славян, находившихся под властью турок, неоднократно писал царю Петру иерусалимский патриарх Досифей, не оставлявший мысли об изгнании мусульман с Балканского полуострова и освобождении балканских христиан от турецкого ига. Питая надежду, что освобождение придёт с далёкого севера, Досифей был готов, насколько это от него зависело, содействовать успехам России и вредить Турции. В течение ряда лет он посылал русскому послу в Константинополе, а иногда и прямо в Москву сведения о константинопольских делах, между прочим, о состоянии турецкого войска и флота. Имея в Стамбуле обширные связи, он мог добывать самые секретные сведения³. Услуги патриарха Досифея высоко ценились царским правительством, и направлявшиеся в Турцию русские послы получали указы в своих действиях сообразоваться с мнением Досифея. Находясь постоянно под подозрением у турецких властей, патриарх старался возможно реже видаться с русским послом и сносился с ним через посредство доверенных лиц, между прочим, через посредство старца Григория, серба, который знакомил его с положением сербского народа. «Серб, — писал Досифей, в Иппекии сущи, от нищеты, от войн, от податей суть якобы не были». Тяжёлые подати взымались даже с малолетних детей, хотя, по закону, обложению подлежали юноши с 14-летнего возраста. Кто не мог уплатить, должен был выбирать между заключением в тюрьму и переходом в магометанство. «Закон его, ложного их пророка, есть, дабы погодно или платили дань, или обусурманились, или смерть, и для той дани многие терпят и сидят многие годы и живут в темницах и умирают от тех нужд, а которые не могут, обусурманиваются и избавляются»⁴.

О тяжёлом положении сербов говорит и русский посол в Константинополе П. А. Толстой, составивший в 1703 г. очень любопытное описание Турецкой империи. Правда, он, несмотря на своё высокое дипломатическое положение, был как бы под арестом, не имея свободы передвижения и общения с нужными ему людьми, однако его описание вызывает большой интерес ввиду постоянных сношений П. А. Толстого с патриархом Досифеем, которого и надо считать настоящим автором политического трактата о Турции. Толстой констатирует запу-

³ Каптерев Н. «Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством», стр. 42.

⁴ Там же, стр. 258. Патриарх Досифей имел связи также с австрийскими сербами, стремившимися освободиться от австрийского ига: один из видных сербских офицеров Пантелеймон Божич, приехавший в Россию с ходатайством австрийских сербов принять их в русское подданство, имел рекомендательное письмо патриарха Досифея. Греческие дела 1704 г., д. № 18, л. 4.

стение сербских земель и занятие их албанцами: «Великие места в сербской земле и в Бошне разорены и пусты и подданных жителей там нет... А ныне начинают те места людьми наполняться албанезами, которые переведены из мест убогих и нехлебородных, а иные вышли самохотно с гор Албанских на те поля сербские; обаче ещё с них доходов никаких нет и скоро быть не могут, зане ещё не утвердились крепким житием»⁵. Действительно, такие исконные сербские земли, как Коссово Поле, были заселены албанцами⁶. Затем Толстой говорит об отуречении славян Балканского полуострова. «Большая часть янычар,— пишет Толстой,— албанези, сербы, бошняки и болгары, народ европейской храбрейшей, а азиатские люди суть не так мужественны».

Вместе с тем Толстой отмечает, что сербы, волохи и др. «еще и тесноту и озлобление в несносных поборах от них (турок) терпят, зане не имеют ниоткуда никакие помощи, обаче страха их не зело ужасаются и могли бы противу их ополчиться, ежели бы себе откуду христианскую помощь, как и венгры, учинили за помощьюю цесаря римского».

Толстой вполне правильно отметил отуречение славян, прельщавшихся перспективой освобождения от уплаты тяжёлых податей и получения других льгот, какими пользовались мусульмане.

Отуреченцы быстро сливались с турками, усваивали их нравы и презрение к христианам, становились главными притеснителями славянского населения.

На Карловицком конгрессе Россия впервые поставила вопрос о православных подданных султана на международное обсуждение. 23 октября 1698 г. думный советник Прокофий Возницын представил на рассмотрение держав проект условий предполагаемого мира русских с турками. Пункт 8-й проекта был составлен в таких выражениях: «Церквам божим и монастырем, греческую веру имеющим, везде во владениях его салтанова величества сущим, тако ж и разных народов людем — греком, сербом, болгаром, словаком и иным всем, тое ж веру употребляющим, да будет всякая свобода и вольности безо всякого отягчения и лишних податей, а новонакладные дани да отымутся от них и впредь к тому принуждаемы не будут»⁷. Этот пункт на конгрессе не встретил никаких возражений, и, таким образом, право России вступаться за православное население Балканского полуострова было признано европейскими державами. Такое положение соответствовало тому, что турецкий султан считал себя покровителем всего мусульманского мира, а император претендовал на роль покровителя католицизма; это и отразилось на условиях заключённого между Австрией и Турцией мира в Карловицах в том пункте, который гарантировал турецким подданным римского закона свободу исповедания своей религии⁸.

Возницыну не удалось в Карловицах заключить мир с турками не только вследствие непримиримой позиции, занятой представителями Турции, но и вследствие враждебного отношения некоторых членов конгресса. Единственно, чего добился Возницын, — перемирия на два года, что вызвало неудовольствие представителей Англии и Польши.

Возницын предполагал призвать южных славян к совместным действиям против турок. Он обратился за советом к патриарху Досифею и просил его сообщить свои соображения по такому вопросу: «Можем ли одни воевать (с турками) и помогут ли и пристанут ли к нам греки, волохи, мултяне, сербы, болгары и иные православные народы и мочно ли на них надежду иметь». Неизвестно, что отвечал Досифей, но у Воз-

⁵ Турецкие дела 1703 г., д. № 2, л. 202.

⁶ Кочубинский «Мы и они», стр. 56.

⁷ Памятники дипломатических сношений. Т. IX, стр. 203.

⁸ Schopoff «Les reformes et la protection des chrétiens en Turquie», p. 2.

нищина окрепла мысль о возможности в борьбе с турками опираться на южных славян, и он писал Петру: «Если бы дойти до Дуная, не только тысячи—тымы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и все миру не желают»⁹. Выражение «нашего языка» показывает, что Возницын тут разумел славян.

Возницын понимал, что южные славяне — естественные наши союзники в борьбе с турками, но могут подняться только в том случае, если русские войска дойдут до Дуная, т. е. вступят в соприкосновение с сербами и болгарами. Далее, Возницын отмечает, что сношения России с Турцией тесно связаны со всей многосложной и запутанной международной политикой, и, следовательно, покровительство России балканским странам может вызвать международные осложнения.

Сербам, переселившимся в Венгрию, было обещано, что они будут состоять в зависимости только от императора и не должны будут подчиняться местным венгерским властям, получат земли между Дунаем и Савой, будут пользоваться правом свободного выбора патриарха и воеводы, смогут свободно исповедывать религию греческого закона, будут освобождены от податей и повинностей, но обязаны защищать австрийские границы со стороны Турции. Вместе с тем было дано уверение, что император примет все меры к тому, чтобы старые сербские земли были отвоеваны у турок и возвращены сербам. Принятая сербами повинность защищать границу требовала от них большой затраты сил и больших расходов на вооружение, и потому освобождение от налогов было естественным, но с этим не могли примириться венгры, плательщики налогов. Венгерские власти с большим неудовольствием смотрели также на сербскую автономию и вмешивались во внутренние дела сербов. Даже венские газеты 1704 г. должны были признать, что венгры с большой жестокостью собирают подати с проживающих на их территории славян¹⁰. Правда, в это время венгры под предводительством Ракоци восстали против австрийцев, но и до этого они относились к сербам враждебно. С другой стороны, католическое духовенство не мирилось с соседством православной автономной общины и принимало все меры, чтобы обратить сербов в католичество или пыталось навязать им унию. Особенно усердие в этой области показывали иезуиты, раздражённые недавним изгнанием их из России¹¹. По плану кардинала Колонича, сербов надо было «сделать сначала рабами, потом нищими и наконец католиками»¹². Венгерское кальвинистское дворянство не отставало от австрийцев в преследовании православных¹³.

В письме, адресованном Петру, патриарх Досифей в 1698 г. так характеризовал положение австрийских сербов: «Немцы сербов, которые к ним бежали, почитая их друзьями вашей святой державы, которые ныне живут около Будина и Коморина, многими кознями стараются прельстить к папёжству, наипаче силой»¹⁴. Обещание поселить сербов между Дунаем и Савой также не было выполнено, они были расселены не сплошной массой, а отдельными гнёздами. Большинство жило по деревням и, считая своё пребывание в Венгрии временным, согласно

⁹ Соловьёв С. «История России». Т. III, стр. 1229.

¹⁰ Австрийские дела 1704 г., д. № 4, л. 126.

¹¹ Соловьёв С. «История России». Т. III, стр. 1093 сл.

¹² Будилович А. «Очерки из сербской истории». Славянский сборник. Т. II, стр. 311.

¹³ Приехавший в 1706 г. сербский белый поп Яков Васильев жаловался, что «злостивые венгры, страну их попленили и церкви божьи огнём пожгли и церковную утварь и книги все пограбили и его, попа Якова, в конце без остатку разорили». Греческие дела 1706 г., д. № 24, л. 2.

¹⁴ Каптерев Н. Указ. соч., стр. 251.

обещанию императора, не строило себе постоянных жилищ, ютилось в пещерах, землянках и палатках. Жили крайне бедно¹⁵.

Патриарх Арсений не раз обращался в Вену с жалобами на притеснения, которые претерпевали сербы, но положение сербов от этого несколько не улучшалось. Своё горе Арсений излил в беседе с отправленным в Вену в качестве посланника дьяком Кузьмой Нефимоновым. Как доносил Нефимонов в Посольский приказ, патриарх Арсений «с великими слезами» говорил, что «римские духовные, а наипаче езуиты, великую тесноту благочестивым чинят», чего не было даже под бусурманским игом, и многие православные люди перешли в унию. Докладывая об этой беседе, Нефимонов прибавил свои соображения, которые показывают, как тронул его рассказ патриарха: «Нужное, государь, и скорбное житие в гонении от римлян терпят, надеясь и совершенно себе освобождения чают от вас, великого государя». Нефимонов также отметил, что патриарх Арсений «в великом утеснении и скорби живёт». В то же время Арсений послал Петру грамоту с просьбой ходатайствовать об освобождении Бранковича¹⁶.

В 1698 г. в Вену прибыли великие и полномочные послы Лефорт, Головкин и Возницын. К ним обратился Бранкович с жалобой, что его десятый год держат в заключении, хотя император обнадёжил его, что он «будет жить при славяно-сербском иллирском народе во всякой вольности»¹⁷. Есть указания, что состоявший в посольской свите в качестве дворянина царь Пётр виделся с Бранковичем. Патриарх Арсений повторил свои жалобы послам. Возницын, оставшийся в Вене после отъезда двух других великих послов, подал вице-канцлеру графу Кауницу особую записку по делу Бранковича и австрийских сербов с ходатайством за них от имени царя. Император обещал отдать приказ, чтобы патриарх сербский и его единоверцы «как до сих пор, так и впредь пользовались еовершенной безопасностью и свободой», но при этом выражал уверенность, что католики в России будут пользоваться такой же свободой вероисповедания. Относительно Бранковича император обещал удовлетворить желание царя¹⁸. Несмотря на эти обещания, права сербов в Австро-Венгрии нарушались попрежнему, Бранкович продолжал томиться в заключении до самой смерти, но здесь важен самый факт ходатайства России за сербов и то, что этот факт не рассматривался как вмешательство России во внутренние дела Австрии. Возницын ходатайствовал перед австрийскими властями и по другим вопросам, затрагивавшим интересы сербов: о беспопыльном пропуске соли, пожертвованной одному сербскому монастырю в Австрии, о разрешении субунским сербам построить православную церковь¹⁹. Таким образом, было признано моральное право России на покровительство сербам не только в Турции, но и в Австрии.

После Карловацкого договора, по которому за турками осталась южная часть Срема, Банат и все сербские земли к югу от Савы и Дуная²⁰, и австрийским властям и австрийским сербам стало ясно, что возвращение сербов на родную землю невозможно и что временное размещение сербов надо заменить постоянным. В 1702 г. австрийское правительство выработало положение об устройстве военной пограничной Тисса-Марошской линии и заселении её сербами²¹, но это не избавило их от политического и религиозного угнетения и заставляло всё чаще обращать взоры на далёкую Россию.

¹⁵ Schwicker. Op. cit., S. 32; Вукичевич М. и Семиз Д. «Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру», стр. 105.

¹⁶ Памятники дипломатических сношений. Т. VIII, стр. 305—308.

¹⁷ Там же, стр. 1374.

¹⁸ Сербские дела 1699 года.

¹⁹ Памятники дипломатических сношений. Т. IX, стр. 557.

²⁰ Погодин А. «История Сербии», стр. 104.

²¹ Schwicker. Op. cit., S. 38

В ноябре 1704 г. в Москву приехал Тительский комендант серб Пантелеймон Божич с письмом патриарха Досифея. От лица «всех начальных сербов, которые живут под цесарем в Венгерской земле при границах турецких», он вёл переговоры, не согласится ли царь принять их в своё подданство, причём они обещают «служить против бусурман без всякой платы, никакого ружья не требуя, но токмо за едино православие». Своё обращение Божич заключил такими словами: «Такожде и прочие сербы, которые суть под бусурманом и венецианами, все во единомыслии с нами пребывают, в чём иные надежды по бозе кроме его величества не имеем, и если его величество оставит нас, тогда все православные погибнем». Божич просил сохранить в строгой тайне обращение сербов к царю, а его самого принять на русскую службу²².

В 1708 г. в Москву приехал серб Христофор Туринович, который привёз грамоты от австрийских сербов. Туринович рассказывал, что после праздника пасхи 1708 г. сербские офицеры «вышних и нижних чинов» собрались в Крушедолском монастыре на совещание. Они составили грамоты, которые поручили ему, Туриновичу, свезти в Москву, но так, чтобы никто об этом не знал. В одной грамоте за подписью Исаия Дьяковича сообщается, что он выбран преемником патриарха Арсения, умершего в 1706 г., а в другой—сербские капитаны и старшины просят верить тому, что сообщает о сербских делах капитан Пантелеймон Божич, всё ещё проживавший в России, т. е. о желании сербов перейти в русское подданство²³. Словесно Туринович сообщил, что после многих споров с австрийским правительством сербы только в июне 1707 г. получили возможность устроить собор в Крушедолском монастыре для избрания нового патриарха. Избран был епископ Исаия Дьякович, который, однако, был утверждён императором в сане не патриарха, а митрополита. На том же соборе было решено обратиться к императору с целым рядом представлений по поводу нарушения императорских грамот о даровании сербам особых прав и льгот: о свободе вероисповедания, поселении между Дунаем и Савой и пр. Предпринимая решительную борьбу с униатами и нуждаясь для прений с католиками и униатами в образованных и начитанных по богословским вопросам проповедниках, собор ходатайствовал также о разрешении открыть сербские школы и типографии. Требования сербов остались нерассмотренными. Однако движение среди сербов было настолько серьёзным, что возбудило тревогу у австрийских властей. Об этом писал в своих донесениях русский посол в Вене Урбих.

В мае 1710 г. в Москву от австрийских сербов приезжал сотник Богдан Попович с письмом полковников Ивана Текелия и Волина Потыседа, которые взывали к царю: «Милостивым оком возри на нас убогих и твоими царскими щедротами промысли о нашей отеческой сербской земле... ярмом бусурманским обременённой... Не забудь и нас малейших приглашением царским и милованием своим, да и мы потщимся службою своею за своего православного царя»²⁴. Таким образом, мысль, высказанная Возницыным о возможности в борьбе с турками опираться на помощь сербского населения, стала принимать определённые очертания: воинственные сербские племена, поселившиеся в Венгрии, предлагали свою помощь в завоевании сербских земель, захваченных турками, и называли Петра «своим царём». И действительно, полковник Текелий, получив ответную грамоту с призывом царя Петра вооружаться для борьбы с му-

²² Соловьёв С. Указ. соч. Т. III, стр. 1578; Греческие дела 1704 г., д. № 18, лл. 2, 11. Сохранились расписки сербских монастырей в получении через Божича богослужебных книг. От Житомирского монастыря расписку подписали Гавриил и Михаил Храбровичи Милорадовичи. Греческие дела 1706 г., д. № 31.

²³ Сербские дела 1708 г.; Греческие дела 1708 г., д. № 19.

²⁴ Соловьёв С. «История России». Т. IV, стр. 61.

сульманами, тайно начал организовывать сербов на освободительную войну²⁵.

Черногория, состоявшая в конце XVII и начале XVIII в. из нахий Катунской, Речской и Лешанской²⁶, клином вдавалась в турецкие владения и могла, с одной стороны, служить исходным пунктом для оттеснения турок с Балканского полуострова, а с другой — мешала продвижению турок к побережью Адриатического моря. Хорошо понимая такое значение Черногории, Турция стремилась подчинить себе эту страну. Но Черногория благодаря своей бедности не представляла такой завидной добычи, чтобы предпринимать опасные экспедиции в малодоступную, горную страну. Черногорцы с успехом отбивались от турецких полчищ и часто тревожили турецкие владения. Постоянная война требовала много жертв от черногорцев, но ряды их всё время пополнялись беглецами из областей, находившихся под турецким владычеством: из Косова Поля, Сараева, Травника и др.²⁷. Это были предприимчивые и решительные люди, готовые отомстить туркам за все унижения, которые они принуждены были терпеть у себя на родине.

С западной стороны Черногория имела другого опасного соседа — Венецию, которая владела частью Иллирийского побережья и стремилась расширить свои владения в глубь Балканского полуострова и вдоль побережья Адриатического моря. В своих владениях венецианские власти насаждали католицизм и преследовали православное духовенство, подчиняя его деятельность контролю католических епископов и обращая православные церкви в католические костёлы. Католическая пропаганда проникла в Боснию, Герцеговину, Черногорию и Албанию. Из описания Скадрского санджака Мариана Болины видно, что среди непокорённых турками горцев уже в начале XVII в. было немало католиков. Так, например, к северу от Подгорицы 17 сёл были населены приверженцами римского обряда, по западному берегу озера Скадра католики населяли 22 села и т. д.²⁸.

Береговая полоса Адриатического моря, принадлежавшая Черногории, постепенно сокращалась под натиском венецианцев с севера и турок с юга, а в 1720 г. Черногория была совсем отрезана от моря. Но и до этого года черногорцы могли пользоваться морскими путями только под контролем венецианцев. Черногория имела свой хлеб с плодородных равнин, стада с её горных пастбищ давали продукты питания, кожу, шерсть, но она не имела промышленности для снаряжения войска. По мере того как огнестрельное оружие вытесняло холодное, положение черногорцев становилось всё сложнее: ружья, пистолеты, порох, свинец приходилось покупать в других странах, главным образом в Венеции; провозить военные припасы можно было или с согласия венецианских властей или тайно от них. И турки и венецианцы готовы были завладеть Черногорией и ассимилировать сербское население.

Черногорцы пытались давать отпор восточным и западным захватчикам, но этому мешали немногочисленность черногорцев, бедность и кроме того разъединённость племён, мало признававших общую власть своего духовного и светского главы — митрополита. Каждое село пользовалось самостоятельностью и часто с большой враждебностью относилось к соседнему селу.

Черногория, расположенная между двумя сильными государствами, должна была искать покровительства одного из них, и потому прославленная независимость черногорцев очень часто переходила в вассальную

²⁵ Сербские дела 1715 г., д. № 1.

²⁶ Голубинский «Краткий очерк истории православных церквей, болгарской, сербской и румынской» стр. 600.

²⁷ Равинский П. «Черногория». Т. I, стр. 508

²⁸ Там же, стр. 726, 808.

зависимость от одного из этих государств. Так было и в XVII и в XVIII веках. Во второй половине XVII в. Черногория фактически находилась под властью Венеции, и митрополит черногорский Виссарион свои письма к проведитору Далмации заканчивал словами: «Вашего господства вешту целивамо». Это не было простым знаком вежливости, так как Виссарион и воеводы от лица «всего черногорского сбора» в грамотах на имя дожа называли себя «верни подложници преведрога господина принципа». В Цетинье находились венецианцы, и рядом с Цетиньевским монастырём, где имел свою резиденцию митрополит черногорский, жили иезуиты²⁹.

Вместе с венецианцами черногорцы вели войну с турками³⁰, но она окончилась для черногорцев крайне неудачно: турки проникли в самый центр Черногории, разоряя всё на своём пути; Цетиньевский монастырь был сожжён. Успех похода Сулеймана-паша на Цетинье в 1690 г. П. Ровинский объясняет таким образом: черногорцы почувствовали всю тяжесть власти венецианцев и, видя в наступавших турках своих избавителей, оказали им очень слабое сопротивление. Находившиеся в Черногории венецианские войска были разбиты³¹.

После разгрома 1690 г. черногорцы, видимо, принуждены были платить туркам дань. В 1714 г. Шафиров писал из Константинополя о военных приготовлениях турок, раздражённых пртив «монтенегринов, которые и по се число им не покорливы и никакой дани им не платят, как преж сего было обыкновенно»³². Выражение «преж сего» может относиться к периоду от 1690 г. (нашествие Сулеймана) до 1702 г. (избиение турок во всей Черногории). После победы турок черногорцы снова попали в зависимость от Турции. Теперь черногорцы оказались врагами венецианцев, и доступ военных припасов в Черногорию был крайне затруднён. Более того: даже после разрыва черногорцев с турками венецианские власти старались показать, что Венеция находится на стороне Турции, и поэтому затрудняли военные действия черногорцев. Причина такого поведения крылась в положении, создавшемся после Карловацкого соглашения. По договору Венеция получила от Турции Морею, но хорошо понимала, что Порта неохотно мирится с этой потерей и не преминет воспользоваться удобным случаем для отвоевания своих прежних владений. Так как коалиция держав, боровшихся с турками, уже распалась, венецианцы, оставшись одни лицом к лицу с турками, боялись возобновления войны и избегали всего того, что могло быть принято Портой за акт недоброжелательства.

С 1516 по 1851 г. Черногория управлялась митрополитами, которые соединяли в своём лице и религиозное руководство и командование войском. В 1696 г. на митрополичий престол был выбран 16-летний Даниил Петрович, человек редкой энергии. Его мечтой было создание сильного, независимого от турок государства. Большую рознь вносили в среду сербов отурченцы — проводники турецкого влияния. Под праздник рождества 1702 г. митрополит Даниил устроил поголовное избиение живших в Черногории турок и отурченцев. Спаслись только те, которые объявили, что они переходят в православие. Это было объявлением войны Турции. Действительно, турки начали военные действия, но в 1706 г. потерпели от черногорцев решительное поражение. Тем не менее положение Черно-

²⁹ Ровинский П. «Двухсотлетие сношений России с Черногорией». ЖМНП № 9—10. 1912 г., стр. 5—7.

³⁰ Венецианцы действовали против турок не только оружием, но и ядом. В 1688 г. католический монах из Ливорно, по имени Филипп, имел поручение отравить екадрского Сулеймана-пашу, но нашёл, что имевшийся у него яд недостаточно надёжен, и просил прислать яд посильнее, чтобы подсыпать его в кофе, предназначенное для Сулеймана.

³¹ Ровинский П. Указ. соч., стр. 6—7.

³² Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 238.

рии оставалось очень опасным: турки могли опять собрать большие силы, тогда как черногорцы вследствие враждебной позиции венецианских властей с трудом добывали для себя военные припасы. Митрополит Даниил должен был искать сильных покровителей для Черногории.

Савва Владиславич Рагузинский, иллирийский торговец, оказавший немало услуг по дипломатической части русским представителям в Константинополе и перешедший на русскую службу, пользовался полным доверием у Петра и канцлера Головкина. В ожидании войны с Турцией он получил поручение использовать свои обширные связи в Турции, Сербии и Австрии для выяснения настроений правящих кругов Турции, состояния её военных сил и пр. и вместе с тем завязать более тесные сношения со славянами и подготовить выступление их на стороне России в борьбе с Турцией. Нам известны некоторые агенты, завербованные на службу России. В Константинополе большие услуги оказывал России папский нунций архиепископ Галлани, родом из славянского Далматинского приморья. Галлани в течение нескольких лет, пока не был отозван из Константинополя на другой пост, писал канцлеру о настроениях, господствовавших в разных кругах Турции, о передвижении турецких войск, о состоянии флота, о переговорах Порты с иностранными послами и т. д. Подобные же сведения Галлани сообщал русскому послу в Константинополе. Шафиров дал о нём такой отзыв: «Арцыбискуп и папёжский викарий Игаланий, который родом рагузинец, человек добрый, живет свой рад положить за интерес государя»³³. Другим осведомителем по турецким делам также было высокое лицо в дипломатическом мире, голландский посол в Константинополе граф Кольер, действовавший вместе со своим секретарём Тейльсом. Кольер за свои услуги получал ежегодно по 1000 золотых. Среди приморских славян вёл работу ещё один видный представитель католической церкви, архиепископ которский Змаевич, получавший инструкции от Головкина и Саввы Владиславича. Змаевич призывал сербов восстать против турок. Он писал в Россию, что он действовал, не жалея трудов и издержек и пренебрегая опасностью. Когда турки стали усмирять сербов и многие из них бежали в горы, Змаевич затратил все свои средства на их содержание³⁴.

Поднять австрийских сербов на борьбу против турок можно было без всяких усилий: они сами предлагали свои услуги. Грамота, посланная русским правительством в марте 1711 г. с сотником Богданом Поповичем сербским полковникам, выражала желание воспользоваться этими услугами. Когда началась война, русское правительство снова обратилось с письмами к полковникам Текелию, Вулину и Хаджи. Затем Савва Владиславич уже во время похода с архимандритом Григорием Сербениным в начале мая послал этим полковникам письмо, побуждая их без замедления двинуться на соединение с русской армией. В этом письме более полно приведены имена полковников и загадочное имя Хаджи, очень похожее на мусульманское, имеет дополнение: Хаджи Момей Рашкович. Таким образом, раскрывается, что это был славянин. Савва напоминает полковникам, что им многократно писалось и они приглашались присоединить свои войска к русским для освобождения «не токмо от ига бусурманского, но и против церкви православной гонителей и получить древние вольности и прежних деспотов владения обновить». Савва ставит полковников в известность, что войска под командой графа Шереметева в количестве 30 тыс. человек перешли Днестр, а за ними тем же путём движется большая армия с царём Петром во главе, и что, наконец, ожидается прибытие 4 тыс. венгров под командой Ракоци. Про себя Савва Владисла-

³³ Турецкие дела 1713 г., д. № 7, л. 81.

³⁴ Турецкие дела 1712 г., д. № 6, л. 369.

вич говорит, что он тоже родом серб «от гор ваших» и находится при армии Шереметева «ради отправления в сем походе министерских дел и воинского совета». Письмо оканчивается призывом принять участие в войне и, «час не почekaвши», сообщить, что полковники предполагают предпринять³⁵.

Несколько нарушая хронологическую последовательность, укажем, что в результате побуждений Саввы Владиславича вместо обещанных полковниками десятков тысяч сербских воинов в Прутском лагере оказалась ничтожная группа в 148 человек австрийских сербов во главе с несколькими офицерами.

В более поздних документах упоминается имя сербского капитана Баллюбаш, сражавшегося на р. Пруте. В 1727 г. при образовании сводного сербского гусарского полка в числе капитанов был и Баллюбаш, о котором говорится: «Капитан Баллюбаш в 1711 г. был с ротой при Пруте и с того времени обретается в службе ЕИВ безотлучно и к службе заобычайны и во всех делах по доброй оного капитана команде исправны и послушны»³⁶. Неудачи полковников нашли различное объяснение в исторической литературе. Кочубинский считает, что австрийские сербы, числом в 19 тыс. человек, шли на помощь Петру, но волошский господарь Бранкован, изменивший Петру, не допустил их перехода через Дунай³⁷. С таким объяснением нельзя согласиться. Прежде всего движение такого большого войска не могло ускользнуть от внимания австрийских властей и не вызвать с их стороны самого энергичного протеста. Между тем из русского посольства в Вене не последовало никакого сообщения ни о движении сербов, ни об австрийском протесте. Повидимому, рассказ о 19 тыс. австрийских сербов основан только на письме царю Петру от Фомы Кантакузена, старавшегося, насколько возможно, очернить в глазах царя своего врага Бранкована и потому преувеличившего роль Бранкована в задержке движения австрийских сербов. Никульче, приведший в своей хронике упомянутое письмо Фомы Кантакузена, говорит только о том, что 20 тыс. сербов были готовы идти на соединение с царской армией³⁸. Правильнее будет предположить, что сербы не могли выполнить своего обещания потому, что австрийские власти проведали про намерения такого большого количества сербов и приняли меры, чтобы воспрепятствовать переходу своих подданных в лагерь Петра. Аркулей, о котором речь будет ниже, рассказывая о своих скитаниях по Италии и Балканскому полуострову до убийства в Черногории в 1712 г., упоминает о своём пребывании в Петербурде: «Поехал я до Петербурдына, чтобы подать куражу сербам, и по несчастию сыскал капитана Богдана Марковича в фортеции окована железам... А реченное несчастье приключилося капитану Богдану от одного серба в его же партии, понеже того ж дня, в которой определился подняться с 15 тысячами сербов в споможение оружия российского, был от реченного сербенина предан и объявлен бунт. Того ради немцы поймали его, яко начального бунтовщика, с которым и другие многие пострадали... Мне не было никогда позволено превестися на другую сторону Дуная, чтоб мог сообщение иметь с митрополитом сербским»³⁹. Аркулей, по характеристике Саввы Владиславича, — «вор и плут», но приведённый выше отрывку его рассказа можно верить, так как в данном случае ему не было никакого основания исказить истину. Из показания Аркулея можно вывести заключение, что австрийские власти раскрыли намерение сербов до их выступления и арестовали руководителей. Далее, путь через Дунай лежал по направлению к Черногории,

³⁵ Черногорские дела (без даты).

³⁶ Сербские дела 1715 г., д. № 1; Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 69, стр. 924.

³⁷ Кочубинский. Указ. соч., стр. 117.

³⁸ Fragments tirés des chroniques Moldaves et Valaques par M. Kogalnicean, p. 67.

³⁹ Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 21—23.

а из Петервардейна идти на соединение с царской армией надо было в сторону от Дуная, а не через Дунай, так что Бранкован не мог помешать движению сербов. Показание Аркулея свидетельствует также о том, что число участников предполагаемого похода на помощь Петру действительно было очень значительное.

Богдан Попович, приехавший ещё раз в Россию, чтобы ходатайствовать о возмещении понесённых им убытков, вполне определённо указывает причины неудачи австрийских сербов. Он рассказывает, что Бранкован написал в Вену императору донос, что австрийские сербы собираются помогать Петру, и просил помешать этому предприятию. Император принял соответствующие меры против выступления сербов и произвёл аресты организаторов выступления. Б. Попович просидел в тюрьме много месяцев и был выпущен, как он слышал, по ходатайству Петра⁴⁰. Версии Аркулея и Поповича близки друг к другу и, повидимому, соответствуют действительности.

20 ноября 1710 г. Турция объявила войну России, и русский посол Толстой был заключён в Семибашенный замок. Весть об этом дошла до Петра, находившегося в Петербурге, 22 декабря. Пётр сделал последнюю попытку поддержать мир и возобновить дипломатические сношения с Турцией, но, убедившись, что посланное султану письмо осталось без ответа, 22 февраля 1711 г. обнародовал манифест о войне с турками. Начался набор войска, а также были приняты меры дипломатического характера.

2 марта 1711 г. был подписан патент на имя Дмитрия Боциса, назначенного консулом в Венецию. Этот документ не даёт определённых указаний, чем должен заниматься консул в городе, с которым не велось никаких торговых сношений⁴¹, но по характеру деятельности Боциса можно заключить, что главной его обязанностью было наблюдение за славянскими делами и работа среди славян в целях вовлечения их в войну с турками. Позднее в Венецию был назначен ещё политический агент — Матвей Каретта, которому дана была инструкция также очень неопределённого содержания. Повидимому, Каретте было поручено сговориться с папой и Мальтой относительно их участия, в той или другой форме, в войне с Турцией. На это указывает письмо Каретты, написанное под впечатлением известия о заключении Прутского договора: Каретта пишет, что теперь нечего думать о союзе с папой и Мальтой⁴².

3-м марта было датировано послание к балканским славянам с призывом помочь России против бусурман. Послания адресованы всем христианам греческого и римского закона в Сербии, Славонии, Македонии, Боснии и Герцеговине. В грамоте заключаются обвинения, направленные против Турции, которая, не удовлетвовавшись захватом Греческой империи, завладела и другими землями, разоряет их и вводит магометанство, а теперь турки вошли в соглашение с еретиком, королём Швеции, и несправедливо объявили России войну, не опасаясь силы русского оружия, покрытого славой в боях со шведами. Ввиду этого «понудихомся» собирать на войну свои силы и силы союзников и намерены принять личное участие в войне за освобождение христиан от бусурманского ига. Удостоверившись «из многих историй, яко древние ваши короли, деспоты и князи и прочие господа не токмо от языка словенска славно всегда почитахуся, но и оружием сами себя по всей Европе храбро ославляху», царь призывал воспользоваться удобным случаем и вместе с русскими «воевать за веру и отечество, за честь и славу вашу, за свободу и вольность вашу и наследников ваших». Если все подымутся единодушно, то

⁴⁰ Греческие дела 1715 г., д. № 1.

⁴¹ Уляницкий «Русские консульства». Т. II, стр. 67—70.

⁴² Сношения с Венецией 1712 г. д. № 2, л. 1—12.

«поганина Магомета наследницы будут прогнаны в старое их отечество — в пески и степи аравийские»⁴³.

Сравнивая грамоту с письмами Саввы Владиславича, приходим к заключению, что именно он был её составителем. Грамота была написана в нескольких экземплярах. Грамоты и письма Саввы Владиславича были посланы с чернецом Моисеем Митоановичем, превратившимся в капитана Ивана Ивановича Албанеза. Приехав в Бухарест, Албанез застал там Михаила Милорадовича, родом из Герцеговины, занятого своими личными делами. Ему были адресованы письма Саввы Владиславича и канцлера Головкина, из которых можно заключить, что Савва Владиславич «и прочие» засвидетельствовали перед царём и канцлером «христианскую ревность и храбрость» Михаила Милорадовича и сообщили им о его «в воинских делах знаменитость против врагов христианского имени, искусстве и ревности». Следовательно, Милорадович уже имел опыт в борьбе с турками. Царь пожаловал его полковничьим чином с выплатой жалованья по этому чину и единовременным пособием в 500 золотых. Вместе с тем Милорадовичу давалось ответственное поручение. «Прошу, — писал Савва Владиславич, — да изволишь пойти в Сербию, Албанию и к климентам, кучам, черногорцам и иным и увещавайте оных, дабы собрав воевали на турков... А грамоты посылаются вашему благородию за монаршеской печатью; изволь оные рассылать или сам отдавать, кому надлежит будет по надписаниям их или как лучше знаешь по своему рассуждению». Милорадович бросил все свои дела и в сопровождении капитанов Албанеза и Ивана Лукичевича из Подгорицы отправился за Дунай, в Черногорию, откуда стал рассылать грамоты по Черногории, Македонии, Боснии, Герцеговине и Албании⁴⁴.

Во всех многочисленных грамотах, которые посылали в Россию черногорские старейшины, говорится о том необыкновенном энтузиазме, с которым был встречен царский призыв. Однако такой энтузиазм проявлялся не везде, и дело не обошлось без значительных затруднений при организации ополчения. Руководители столкнулись с раздробленностью страны на самостоятельные общины. Необходимо было разрозненные силы подчинить общему командованию и притом не только черногорцев, но и их соседей-сербов, пожелавших принять участие в войне с турками. Оказалось, что некоторые общины не внушали доверия, другие не могли принять участия в борьбе вследствие недостатка оружия, а некоторых надо было прельщать подарками. Для решения всех неотложных вопросов было созвано совещание, на котором присутствовали и черногорцы и сербы. Было решено верно служить русскому царю и дать в этом присягу, от ненадёжных общин потребовать заложников, собирать деньги на

⁴³ Грамота неоднократно перепечатывалась. Наиболее правильное воспроизведение находим у сербских историков, которые имели возможность копировать подлинную грамоту, — у Милотиновича и Андрича, тогда как Милакович допустил некоторые пропуски. Те из русских историков, кто брал текст грамоты у сербских историков, передавали грамоту правильно, хотя также допускали пропуски. Те же, кто принимал текст грамоты, данный Голиковым в XII томе «Деяний», давали читателю такой текст, который имеет ряд отступлений от того, что было в действительности послано в Сербию и Черногорию, и представляет, по всей вероятности, проект грамоты, подвергшийся потом исправлению. Наиболее существенные изменения сводятся к следующему: 1) у Голикова пропущено о славе древних сербских государей не только среди славян, но и по всей Европе; употребление в грамоте собирательного названия «славяне» придаёт тексту специфический характер; 2) данный Голиковым текст заключает в себе малоубедительные ссылки на подвиги Александра Македонского и Скандерберга, чего нет в подлинных грамотах. Очень неисправен текст, помещённый в «Истории России» Соловьёва: в основу взят текст Голикова, но с неотмеченными пропусками; пропущено обращение в начале грамоты. Но именно из «Истории России» Соловьёва очень многие исследователи, касавшиеся истории сношений России с Сербией, брали текст грамоты. Отметим опечатку, допущенную Голиковым: в обращении вместо «римской» веры в «Деяниях» читаем «ерусалимской».

⁴⁴ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 76.

военные нужды с монастырей и церковей, командование войском поручить Михаилу Милорадовичу, а его брата Гавриила отправить от лица всех сербов в Россию для выяснения положения дел и исходатайствования пособия деньгами и военными припасами⁴⁵. Роль Михаила Милорадовича как объединителя разрозненных сил была так значительна, что когда он уехал из Черногории, сербские старшины обратились к Петру с просьбой снова прислать «господина кавалера Михаила» для объединения сербов⁴⁶.

Большую энергию в объединении племён проявили также братья митрополита Даниила — Демьян и Родион Негуши, которые, по приказанию Даниила, «всякие дела во время воинское для соединения с нами пограничных племён союзниками чинили своим коштом... хоронили в своём доме аманатов горских, которых мы взяли были для верности... издержали своего имения 600 червонных золотых по их присяге»⁴⁷. Митрополит Даниил вложил в общее дело всё своё имущество, «весь расточился». Деньги пошли, между прочим, на покупку 620 аршин венецианского сукна по червонцу за аршин для раздачи тем сербским воинам, которых без подарка нельзя было увлечь на войну⁴⁸.

Сербы, жившие на турецкой территории ближе к городам, занятым турками, опасались подняться против поработителей. Поэтому некоторые из герцеговинских племён отправили в Россию доверенных лиц — Николая Властелиновича и Волкашина Петровича, «чтоб усмотря, если царское величество изволит их взять под свою протекцию, и они ради такожде соединиться и на неприятеля воевать; а когда им было невозможно воевать, что живут близко городов турецких и от черногорских далеко». В Герцеговину был отправлен в качестве командира капитан Албанез. Он собрал отряд в тысячу человек. Другим отрядом в Герцеговине командовал воевода Славуй Диакович⁴⁹.

Афанасий, патриарх сербский и болгарский, архиепископ печский, писал в Россию из Белграда 4 июля 1711 г.: «Попрани есми и заблюдили от рода поганого агарянского и в тяжких бедах обретаемся... не имамы надежду токмо на единого бога, паки на ваше пресветлое царское величество... аще би се подигла война от нашей стране, и сам буду на поможение и на службе излити кровь свою за веру православу и за помощь вашему пресветлому величеству». Агентом в турецкой части Сербии был капитан Алексей Попович, который дважды упоминается в письме Саввы Владиславича к М. Милорадовичу от 4 марта 1711 г.: Алексея Поповича, «в Иппекии пребывающего», царь жалует чином полковника русской армии и 500 золотых; и далее, Савва Владиславич просит М. Милорадовича: «Изволь писать брату капитану Алексею, дабы и он с своими хорватами (?) мог потрудиться в такой праведной войне»⁵⁰. Других упоминаний об Алексее Поповиче пока не найдено.

Оставив венецианскую службу, явились добровольцы с Иллирийского побережья, в том числе упомянутый Славуй Диакович; за это он

⁴⁵ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 76.

⁴⁶ Сербские дела 1712 г., д. № 1. Милорадович Г. «О роде дворян и графа Милорадовича», стр. 17—19. Можно предположить, что М. Милорадович раньше не служил в русском войске; указание на это находим в письме Головкину гетмана Скоропадского от 17 октября 1715 г., где Милорадович характеризуется «яко иноземец, войсковых ваших порядков не знающий». Там же, стр. 23. В упомянутой книге говорится о знатном происхождении Милорадовичей, но имеются и другого рода сведения об этой фамилии. В 1745 г. черногорский сердар Стефан Иванович, желая поступить на русскую службу и прося себе достойного его знатности чина, приводит в пример Милорадовича, «который и не из дворянства полковником в Малой России пожалован». Сербские дела 1746 г., д. № 2, л. 16.

⁴⁷ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 93.

⁴⁸ Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 25; Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 80.

⁴⁹ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 96.

⁵⁰ Сербские дела 1711 г., д. № 2, л. 2; Милорадович Г. «О роде дворян и графа Милорадовича», стр. 18—19.

был наказан венецианскими властями полным разграблением его имущества. Адъютантом Милорадовича был Кузьма Страцинович, состоявший раньше на венецианской службе, «а дому его с сродниками было великое разорение от венецианов, что он пошёл на службу царского величества»⁵¹. На содействие албанцев было мало надежды. Как доносил агент в Венеции Каретта, «албанезы зело множайшие суть и сильнейшие монтеггринов, но они ни единого движения не учинят, ежели не будут награждены деньгами и начальниками, чтобы управлять ими; понеже их будет 24 тысячи, учинили бы великие вреды, понеже суть храбрый народ»⁵². Может быть, Милорадович разумел албанцев, когда писал Боцису, что он мог бы набрать ещё 20 тыс. бойцов, если бы имел деньги, порох и свинец⁵³.

Выше было уже отмечено, что призыв Петра был обращён не только к православным, но и к католикам. Католики, по всей вероятности, исключительно славяне, откликнулись на призыв. 5 февраля 1712 г. Милорадович писал Боцису: «Ещё объявляю, что мы латинской церкви 500 добрых человек имеем, которые присягали, что верно служить хотят»⁵⁴.

Всего, по сообщению Милорадовича в письме к Боцису, против турок собралось по призыву Петра 29 800 бойцов. Повидимому, сюда причислены и те добровольцы, которые были набраны в землях, отвоёванных восставшими в первые дни войны. Несколько меньшую цифру даёт Каретта — 25 тысяч воинов⁵⁵. Число черногорцев Боцис в письме к канцлеру определял в 10 тыс. человек: «Из негромонтанов до сего времени (18 августа 1711 г.) собралось слишком 10 тысяч»⁵⁶. Необходимо отметить, что греки не решились подняться против турок, и поэтому этнографический состав восставших был однороден—это были сербы. В качестве исключения можно указать на одного турка, храбро сражавшегося против своих соотечественников в рядах сербов, но это был христианин.

Более состоятельные сербы на содержание войска тратили свои личные средства. Капитан Иван Албанез в Герцеговине содержал на свои средства две роты, к которым присоединились на своём иждивении другие добровольцы—численностью в 800 человек. Славуй Диакевич также служил с герцеговинцами «с компанией своей, а на компанию свою давал плату своими деньгами»⁵⁷. Выше было указано, что Негуши и Змаевич тратили на войну свои средства, однако всего этого было недостаточно. Вооружение сербов оставляло желать лучшего. Только половина солдат имела ружья, а пушек совсем не было, что делало осаду городов, в которых засели турки, делом, совершенно безнадёжным. Милорадович писал Боцису: «Мы не имеем денег, сколько на солдат потребно, и, ежели мне правду сказать, то венециане нам ни пороху, ни ядер, ни что к войску потребно продавать не хотят; оные нас ни через свою землю ниже на море не пускают, понеже их генерал им то приказал»⁵⁸. Аркулей также говорит о блокаде побережья Далмации генералом Пизани по приказу венецианского правительства: «Для препятія всякого вспоможения монтеггрином как морем, так и сухим путем, имея такой указ от республики Венецкой, и зело промышлял, чтоб мог дать в руки турецкие начальников монтеггринских, а потом и прочих

⁵¹ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 94.

⁵² Сношения с Венецией 1712 г., д. № 2, л. 24.

⁵³ Сербские дела 1711 г., д. № 2.

⁵⁴ Там же, д. № 1.

⁵⁵ Сношения с Венецией 1711 г., д. № 4, л. 48.

⁵⁶ Сербские дела 1712 г., д. № 2, л. 7.

⁵⁷ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 93—96.

⁵⁸ Сербские дела 1712 г., д. № 1.

отдать в жертву»⁵⁹. В связи с этим Милорадович просил присылать оружие морем, надеясь как-то избежать контроля генерала Пизани.

Хотя командиром войска был выбран Михаил Милорадович, однако руководящую роль в военном деле играл митрополит Даниил. Это видно из того, что при нём состоял военный совет из представителей армий, действовавших на поле битвы. Так, Славуй Диакевич был «от всех воинских и земских начальников герцеговинских» командирован, как показывал Даниил, «чтоб быть при нас в совете для всяких отправлений». Митрополит назначал воевод на их посты: командировал Албанеза в Герцеговину командовать тамошними повстанцами, назначил по полкам Николая Властелиновича, Раича Крекуна и др.⁶⁰

Войско собралось в очень короткий срок: 5 июня Милорадович разослал грамоты, а 15 июня сербы уже разбили турок близ Гадска⁶¹. Воодушевление было большое, уверенность в успехе поддерживалась известием, что русское войско приближается к границам Молдавии. Ждали скорого падения Константинаполя. Князя и воеводы из-за Хелмы писали в Москву, что они «надеялись на царское величество по обещанию послов, что скоро пришед к Царьграду, пришлёт к ним на потребу из своей казны денег»⁶². Второе сражение было под Нишем, и турки опять были разбиты, а затем последовали другие удачные для сербов сражения. В короткое время турки были изгнаны из Приморья, освобождена Герцеговина и часть Македонии. Укрывшиеся в городах турки были изолированы и не имели между собою связи. Сербы, по словам Милорадовича, «с великим войском бились и многие турецкие москеи разорили и великий округ турецкой области взяли, многие деревни сожгли, многие дистрикты пустыми учинили, в Албании и Герцеговине многие города осадили и турков в конфузию привели, так что они собираться и коммуникацию между собою иметь не могли»⁶³. Из более крупных крепостей были осаждены сербами Никишич, Служ, Подгорица и Жебляк⁶⁴. Среди таких успехов неудача русского оружия на реке Пруте была тяжким и непоправимым ударом для сербов⁶⁵.

Как известно, Пётр, понадеявшись на обещанные волошским господарём Бранкованом войска и провиант, а также на помощь балканских славян, двинулся против турок с небольшим войском. Он не успел предупредить турок переходом через Дунай, что должно было вызвать широкое восстание против турок их христианских подданных, был окружён превосходящими силами турок и, чтобы не попасть в плен и не потерять всего войска, 12 июля 1711 г. заключил с турками мир ценой потери Азова и уничтожения ряда русских южных крепостей. Английский посол в Петербурге Витворт 22 августа доносил своему правительству о неудаче Петра и о заключении мира: «События эти вызвали чрезвычайную радость во всей Турции, так как ей, по всем вероятностям, предстояли большие смуты, если бы царь действовал осторожнее и дал развиваться интригам и симпатиям православного населения, очи и сердца которого стремились к новому мессии до того, что православные, проживающие и во владениях императора, бросили всё и бежали под царские знамёна»⁶⁶.

Если весть о прутской неудаче дошла до Петербурга через месяц с небольшим, то в Венеции даже в начале сентября не знали подробностей

⁵⁹ Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 24.

⁶⁰ Сербские дела 1714 г., д. № 1.

⁶¹ Соловьёв С. «История России». Т. IV, стр. 100.

⁶² Сербские дела 1711 г., д. № 2.

⁶³ Сербские дела 1712 г., д. № 1.

⁶⁴ Ровинский П. «История Черногории». Т. I, стр. 517.

⁶⁵ Государственный архив. Разр. X, отд. 1, д. № 30, л. 98. Бумаги о делах с азиатскими народами 1711—1728 годов.

⁶⁶ Сборник РИО. Т. 50, стр. 486.

разыгравшихся событий, и Боцис имел превратное представление об условиях Прутского договора.

Черногорцы не хотели верить, что заключён мир. «Как мир заключён,—писал Милорадович,—и мы ничего не знаем»⁶⁷. Славуй Николаевич, посланный в Россию, чтобы выяснить положение дел, при допросе сказал: «Турков немало побили, а потом, не зная, что делать, ибо у царского величества с турками меж тем учинился мир, ретировались от турков в горы ближе к Венеции». Славую сербами поручено было запросить канцлера, действительно ли мир состоялся; если это так, то они, сербы, «стали б добрыми способы с турками примирения искать, а ежели миру не учинено, то они паки готовность свою представляют с турками воевать токмо на то повеления его царского величества ожидают и что надобно к той войне им потребностей, о том он объявит г. канцлеру графу Головкину»⁶⁸. В середине июля 1712 г. поехал в Россию и сам Милорадович, вероятно, тотчас же после получения письма от Боциса. Неизвестно, заключили ли перемирие с турками черногорцы при Милорадовиче или после его отъезда. Оно продолжалось долгое время и имело силу даже в конце 1713 года. О перемирии писал графу Головкину митрополит Даниил из Цетинье 25 ноября 1713 года. Он сообщил, что черногорцы, узнав о заключении мира, «учинили временное с турки перемирие, в чём и до сего числа пребываем без всякие добрые надежды, не знаячи, куды обратится и от кого помощи и наставления искати»⁶⁹.

Заключив перемирие, черногорцы отказались принять предложение турок заключить мир, не имея на то указания со стороны России. Об этом моменте рассказывает митрополит черногорский Василий Петрович в своей книге «История о Чёрной Горе»: «Порта по заключении мира с Россией определила послать великое число войска на Чёрную Гору предводительством сераскера Ахмет-паши, котори в 60 тысящах турецких войск наступал на Чёрную Гору в 1712 г., но от черногорцев совершенно была разбита. По той победе Оттоманская Порта рассудила за благо искать мира у черногорцев, но они, обещавшись исполнить соизволение имп. Петр В. и повелительного указа на то не имели, верность свою отказать покусилися и в мире неприятелем отказали»⁷⁰. Употреблённые митрополитом Василием Петровичем такие выражения, как «повелительный указ», «верность», показывают, что он считал Черногорию вассалом России.

Черногорцев увел в заблуждение Павел Аркулей. Это был боцман русского флота, посланный за границу с бумагами для русских агентов в Венеции. В этом городе ему удалось завладеть некоторыми предметами из имущества Саввы Рагузинского, в том числе русским орденом и хрустальными пуговицами. Аркулей уже после заключения Прутского договора приехал в Черногорию и там, выдавая себя за «государственного тайного секретаря», от имени Петра потребовал, чтобы черногорцы продолжали военные действия против турок ввиду того, что царь не намерен держаться мирного договора, а опять идёт на турок. Вместе с тем Аркулей возложил на Милорадовича привезённый из Венеции орден и потребовал составления именного списка черногорцев, принимавших участие в борьбе против турок для выдачи всем царского жалованья. «И те бедные народы, по словам Саввы Рагузинского, приняли его как ангела и чинили шпалеру оружием, как первому генералу». Добившись доверия и расположения черногорцев, Аркулей приступил к осуществлению истинной цели своей поездки в Черногорию. Он объявил, что ездил в качестве царского посла по итальянским государствам, издержал взятые с собой деньги, но имеет при себе царские алмазные пуговицы, стоящие 1100 зо-

⁶⁷ Сербские дела 1711 г., д. № 2, л. 6.

⁶⁸ Сербские дела 1712 г., д. № 2, л. 1—2.

⁶⁹ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 32.

⁷⁰ «Чтения». Кн. 2-я, стр. 10. 1860.

лотых червонных, и он просит ссудить его тысячью червонных под заклад драгоценных пуговиц. Черногорцы с большим трудом собрали требуемую сумму, продав церковные сосуды, и вручили её Аркулею. Пока обмен не раскрылся, черногорцы долгое время ждали обещанного жалованья и мужественно сражались с турками ⁷¹.

В Цетиньевском архиве сохранился очень любопытный документ — договор, заключённый Михаилом Милорадовичем от лица царя с черногорцами. В этом договоре объявляется, что царь принимает черногорцев в своё подданство, но обещает сохранить за ними полную самостоятельность в гражданской и церковной жизни, свободу от каких-либо повинностей и поборов; черногорцы со своей стороны обязуются в случае войны быть на стороне России и защищать свои земли, причём им идёт царское жалованье. Ровинский считает договор актом русской государственной власти, Кочубинский не сомневается, что договор был подписан Милорадовичем по поручению Петра, и прибавляет, что договорная грамота «с тех пор сделалась для них (черногорцев) грамотой уставной, определявшей долго отношения их к нам и наши к ним» ⁷². Заключение подобного договора со стороны черногорцев было актом вполне естественным, так как они в этот период с трудом сохраняли свою независимость. Митрополит Даниил ещё до прутской катастрофы писал царю о своей надежде, чтобы «все их грады и провинции были под державою царского величества» ⁷³. Но относительно полномочия, полученного будто бы Милорадовичем на заключение договора с черногорцами, возникают серьёзные сомнения. Известно, с какой тщательностью московские дипломатические канцелярии вырабатывали тексты договоров, а между тем цетиньевский документ не носит никаких следов канцелярской обработки и, очевидно, составлен лицом, далёким от понимания дипломатических тонкостей. Предположение, что Милорадович был уполномочен сам составить и подписать договор без сношения с Посольским приказом, совершенно исключается. Достаточно прочитать вводную часть договора, чтобы усомниться в правильности взглядов Ровинского и Кочубинского: «Мы, божью милостью великий полковник и кавалер благочестивого царя Петра Алексеевича... над многими государствами государь и обладатель» ⁷⁴. Пункты договора изложены крайне путанно и неясно. Надо подчеркнуть, что Милорадович мог считать себя «кавалером» только после возложения на него ордена авантюристом Аркулеем; несуществовавший в русской армии чин великого полковника дан, вероятно, тем же самозванцем, и это приводит к мысли, что именно Аркулей, изображавший из себя не вполне бескорыстно доброго гения черногорского народа, был инициатором договора и от лица царя уполномочил Милорадовича заключить и подписать этот договор. Это предположение находит себе подтверждение и в других наблюдениях. Насколько можно было проследить, ни в каких документах Посольского приказа нет упоминания о договоре 1712 г. с Черногорией, нет ничего и в деле о приезде Милорадовича, где перечисляются его заслуги; по приезде в Москву Милорадович более года не мог добиться свидания с Петром и Головкиным, чего не могло бы случиться, если бы он действительно исполнил важное дипломатическое поручение.

Опасность возобновления войны России с турками всё увеличивалась. Очевидно, не знали, как поступить с Милорадовичем и какие дать через него инструкции черногорцам. Наконец, Савва Владиславич предложил сенату такой план: полковника Милорадовича, пожалованного государевой «персоной», определить на службу в нерегулярные полки до будущего года, «а тамошним народам писать, дабы к предбудущему году

⁷¹ Сербские дела 1721 г., № 2, л. 24—27

⁷² Ровинский П. «Двухсотлетие сношений России с Черногорией», стр. 17; Кочубинский. Указ. соч., стр. 165.

⁷³ Сербские дела 1711 г., д. № 2.

⁷⁴ Ровинский П. Указ. соч., стр. 16.

готовились с обстоятельством против неприятеля воевать, а в сию компанию лестили бы туркам к приязни, дабы их впредь могли лучше обмануть, когда от царского величества указ и жалованье им послано будет»⁷⁵. Однако пронёсся слух, что турки возобновили военные действия, и 30 декабря Пётр распорядился о спешном отправлении Милорадовича на войну. Он указал сенату: «Вы того полковника и товарищей его, удовольствовав жалованьем, также дав, что пристойно к ведению им войны против турок на воинские потребы, отправьте их с Москвы без задержания... дабы они против сих неприятелей всякие поиски и военный промысел чинили со усердным радением»⁷⁶. Из осторожности в указе не упоминается, куда должны направиться Милорадович с товарищами, но едва ли можно сомневаться, что их посылали в Черногорию. Австрийские сербы о приготовлениях к войне были предупреждены ещё раньше через Михаила Кантакузена⁷⁷.

Однако Милорадович не успел покинуть пределы России, и напрасно австрийские сербы готовились оказать помощь русскому войску: султан отказался от мысли возобновить непопулярную в народе войну и, несмотря на все усилия французской и шведской дипломатии натравить Турцию на Россию, начал с Шафировым переговоры о мире, о чём Шафиров донёс Петру письмом от 13 марта 1713 г., а 15 июля того же года в Адрианополе был подписан новый мирный договор, в котором о балканских славянах, так же как и в Прутском, не было никакого упоминания.

Черногория переживала тяжёлые времена. В 1714 г. турки прервали перемирие с черногорцами и начали военные действия. О готовящемся нападении турок на сербов главный драгоман Порты Маврокордат сообщил Шафирову. Это сообщение звучит иронией, так как Маврокордат, конечно, знал и о сношениях сербов с Россией и о невозможности для России защитить балканских славян. Шафиров доносил канцлеру: «Магазины в Салонике делают и воинские предуготовления чинят будто против монтегринов, которые и по се число им непокорливы и никакой дани им не платят, как преж сего было обыкновенно. И подлинно то, что послан против оных Чуперли Нуман-паша, который преж сего недолго был визирем, и велено ему с бошняцкими и албанскими пашами совокупясь, трудиться их искоренять, как о том и Маврокордат нам приказывал, тако ж и от иных многих мы за подлинно уведомлены. Но многие рассуждают, что то учинено токмо для претексту, чтоб под оным чинить против венециан... ибо против монтегринов им толь многих воинских предуготовлений чинить не для чего, понеже их малоллюдно и живут в таких неприступных местах, что их и добыть трудно и токмо разве принудить голодом»⁷⁸.

О самом нашествии турок на Черногорию русские правящие круги могли узнать из письма митрополита Даниила, полученного в Москве архидяконом Максимом и сообщённого в Посольский приказ. В октябре 1714 г. Нуман-паша собрал в Герцеговине 40-тысячное войско, не считая многочисленной конницы, обещанием заключить мир привлёк в свой лагерь черногорских воевод и князей, задержал их, «а мир не сделал и войско пустил с четырёх сторон, понеже они вошли в середину Чёрной Горы, на Негуше. Потом Оман послал войско по всей Чёрной Горе, на воеводу Вукоту послал 3 пашей и тут была великая баталия 4 дни и 4 ночи и турок много побито было и не могли оные бусурмане ничего сделать, Ахмет-паша серазгер Босанский и Хусейн-паша Авлунский, Браим-паша Охридский и стали на Цетине... Оман объявил султанский указ разорить и вырубить всю Чёрную Гору, потом которых выше-речённых бояр наперёд обманул и привёл к себе и порубил протопопа Милича и иншие 13 бояр и разослал войско по всей Чёрной Горе... Потом на-

⁷⁵ Сербские дела 1712 г., д. № 2

⁷⁶ РИО. Т. XI, стр. 254.

⁷⁷ Соловьёв С. Указ. соч. Т. IV, стр. 634—636.

⁷⁸ Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 238.

ши усмотрели, пришли со всех стран и великую баталию тут сделали, бой был 3 дня и 3 ночи, много турок побили, полон выручили... Послан был воевода Мояш в город Катару венецианский купить пороху и свинца, но там ничего не продали, потому что венециане согласие имеют с туркам, пуще бусурманов нам неприятели... Мояша отдали туркам и иных жён и детей 60 душ христианских, которые от страха ухоронились... С князя Вукоты Павичевича Одраша сняли кожу, воеводу Тодора Попова посадили на кол, а воеводе Тодору Калабичу живому ремни резали»⁷⁹.

Раненый в боях с турками, митрополит Даниил, которого усердно разыскивали турки, удалился в Вену, откуда 10 декабря 1714 г. послал письмо канцлеру Головкину, прося разрешения самому приехать в Россию для получения указаний о том, что должны делать черногорцы. «До сего времени, — добавил Даниил, — которые в горах остались, будут меня с оружием ожидать и не смирятся, что будет всякому верному в память, как православные за своего православного монарха служат на своём харчу токмо по указу единому»⁸⁰.

О том, что происходило в это время в Черногории, имеются отрывочные сведения в письме секретаря голландского посольства в Константинополе Тейльса на имя русского посла в Вене Матвеева. «Монтенегринцы, — писал Тейльс, — которые не были в бою против турок, поддались паше губернатору янинскому и обещали платить годовую дань, но здешний крайний визирь кажется тем договором быть недовольным и желая больше, чтоб те все люди вырублены были»⁸¹. Из сообщения Тейльса видно, что среди черногорцев не было полного согласия в это тяжёлое для их отечества время.

Приехав в Россию, митрополит Даниил виделся с Петром и, повидому, произвёл на него благоприятное впечатление. Самое важное было то, что Даниил убедился, что Россия с турками воевать не может и что все её силы направлены на борьбу со шведами. В благодарность за помощь в войне с турками и в изъявление братских чувств Пётр наградил черногорских воевод деньгами и своими портретами, назначил ежегодную выдачу сербам 10 тысяч рублей, пожаловал митрополиту Даниилу полное архиерейское облачение и пр. Вместе с тем был определён решён вопрос о сербах, желавших переселиться в Россию.

Когда приехавший из Черногории архидиакон Максим указал, что некоторые из восставших сербов не могут вернуться в родные места, находящиеся под властью турок или венециан, то ему было объявлено, что подобные лица с удостоверениями от митрополита могут приезжать в Россию, где им будут даны земли, «а денежной дачи за нынешним военным временем дать им невозможно»⁸². Максим получил только словесное обещание, а 31 января 1715 г. был издан указ, по которому славяне, перешедшие на русскую службу, получали и земли и денежное жалованье; им отводились земли в Азовской и Киевской губерниях и назначалось годовое жалованье, денежное и хлебное: капитанам по 60 рублей и по 60 четвертей хлеба; чем ниже чин, тем ниже был и оклад, — рядовые получали по 12 рублей и по 12 четвертей хлеба. Размер отводимой земли также находился в зависимости от чина⁸³. Черногорцам была дана жалованная грамота с похвалой за общие с Россией военные действия против турок «по единоверию и единойзачию», с соболезнованием по поводу перенесённых тяжёлых бедствий и полного разорения и, наконец, с обещанием вознаграждать пока небольшой суммой в связи с большими расходами по ведению шведской войны, а потом и более значительными пожалованиями. Вместе с тем сербам давался совет пока примириться с турками⁸⁴.

⁷⁹ Сербские дела 1713 г., л. 35.

⁸⁰ Там же, л. 52.

⁸¹ Австрийские дела 1715 г., д. № 4, л. 49.

⁸² Соловьёв С. Указ. соч. Т. IV, стр. 106.

⁸³ Сербские дела 1715 г., л. 3.

⁸⁴ Соловьёв С. Указ соч. Т. IV, стр. 295—297.

Перед отъездом из России митрополит Даниил подал «Реестр сербам, которые обретаются в Российском государстве, а желают возвратиться в своё отечество». Тут перечисляются сербы, приехавшие в Россию, чтоб разведать, как должны поступать их соотечественники: воевавшие с турками два брата Негуши, архидиакон Максим, Николай Властелинович, Волкашин Попович и другие, — всего 11 человек. В том же списке упомянуты воевода Славуй Диакович и его прапорщик Савва Бранчевич, которые не имели возможности возвратиться в отечество, так как жили в венецианских владениях и имущество их было разграблено венецианскими властями за участие в войне, а «сродники странствуют в чужих краях». Список заканчивается такими словами: «Засвидетельствую, что все они достойны помилования и награждения за их верное служение и за разорение домов своих за имя царского величества». По решению коллегии иностранных дел, все перечисленные в реестре получили награждения деньгами и портретами царя, а оставшиеся в России кроме того — населёнными землями. Так, Славуй Диакович получил портрет в 14 червонных, денег 300 рублей, и ему же подыскивалась на Украине деревня в 30—40 дворов⁸⁵. Полковник Михаил Милорадович ещё раньше получил награждение и был назначен полковником Гадяцкого полка, причём ему в заслугу поставлено, что руководимые им военные действия сербов отвлекли турецкие силы от «большого наступления» на русские войска⁸⁶.

Возвратившийся в Черногорию митрополит Даниил нашёл страну разорённой. «Все разорено, — писал он Головкину, — расхищено и мечу предано и в плен отведено, а некий малый остаток в горах спасалось и сохранилось»⁸⁷. По словам митрополита Василия Петровича, «вокруг турки нападши на Чёрную Гору нечаянно нашед без опасности, пятую часть земли огню и мечу предали»⁸⁸. Митрополит Даниил принялся приводить в порядок то, что осталось. Войны последних лет наглядно показали, как важно объединение страны под одной властью. Поэтому Даниил провёл реформу управления страной, которая состояла из автономных общин, не всегда подчинявшихся власти митрополита. Скупщина, то есть народное собрание, повидимому, созывалась только в экстренных случаях: для избрания митрополита, объявления войны, заключения мира, для решения важнейших вопросов внешней политики. По новому положению, во главе гражданского управления стоял выборный губернатор, которому были подчинены местные власти; он председательствовал в народном собрании, судил по важнейшим делам, вёл дипломатические переговоры; местное управление было поручено сердарам и князьям⁸⁹. Местопребывание губернатора было в Которе в интересах большего удобства для сношений с иностранцами, главным образом с венецианцами. Возможно, что план реформы сложился у митрополита Даниила благодаря знакомству с порядками России: главный правитель назван губернатором, как и глава Петровской губернии, — такое название не употреблялось ни в венецианских, ни в турецких владениях.

Путешествием Даниила в Россию закончились совместные действия русских и сербов в войне против турок. Громадное пространство, отделявшее Россию от Балкан, не позволило укрепить и развить политические связи и как основу их — связи экономические. Но кратковременное сближение выявило и укрепило племенные и культурные связи, не прерывав-

⁸⁵ Милорадович Г. Указ. соч., стр. 26.

⁸⁶ Сербские дела 1715 г., л. 3.

⁸⁷ Там же, 1721 г., д. № 2.

⁸⁸ «Чтения». Кн. 2-я, стр. 10. 1860.

⁸⁹ Бакич Д. «Черногория под управлением владык». ЖМНП. 1878 г., август, стр. 233.

шился в течение долгого времени. В XVII в. южные славяне, в небольшом числе посещавшие Россию, пользовались вниманием и поддержкой по единоверию наравне с греками. В конце века к этому прибавился другой признак близости — единоязычие. В 1697 г., отправляя Григория Островского в приморские славянские страны для найма матросов, Пётр наказывал ему разведать: «Словенский ли язык употребляют и мочно ли с ними русскому человеку о всём говорить и разуметь»⁹⁰. Пётр еще сомневается в близости славянских языков, а один из его ближайших сотрудников, Прокофий Возницын, уже определяет политическое значение родства языков, и, присоединяя сюда единство веры, высказывает такой афоризм: «Наш народ, наш язык, наша вера»⁹¹.

Появление в России сербских политических деятелей, которые в начале XVIII в. один за другим приезжали приглашать Петра взять на себя защиту южных славян и даже принять их под своё подданство по единоверию и единоязычию, послужило шагом к дальнейшему сближению, причём единоязычие, этот яркий признак племенного единства, становится впереди единоверия, заслоняя его. Перед Прутским походом Пётр в своих воззваниях обратился к славянам без различия вероисповедания — к христианам и греческого и римского исповедания. Католики приняли участие в общем деле и с благодарностью упомянуты в грамотах, данных Петром после войны. В петровских грамотах говорится о славянском народе⁹² без различия вероисповедания. Напомним, что среди партизан славянского движения видную роль играли прелаты римской церкви Галлани и Змаевич — родом славяне. Конечно, плата, которую получал Галлани, далеко не компенсировала опасности, которой он подвергался, да и полученные деньги он употреблял, между прочим, на подарки своим агентам, среди которых был один из секретарей шведского короля Карла XII в Бендерах. В письме к Шафирову Галлани высказал свою точку зрения: хотя сербы римского и греческого закона различным образом почитают бога, однако молятся на одном славянском языке, и потому и те и другие одинаково почитают за честь служить московскому царю. Вместе с тем Галлани просил Шафирова похотатайствовать перед сербским патриархом Калинником, чтобы тот не требовал дани с сербов-католиков. Патриарх уважил просьбу Галлани, хотя «оные латиняне в Сербии живущие, издревле патриархом сербским платили дани, а потом уже лет с 15 как в данех воспротивились»⁹³.

Сближение с сербами в 1711 г. вызвало у Петра интерес к истории славян. В том же 1711 г. русскому поверенному в Вене Урбиху было поручено выяснить вопрос о происхождении славян. В своей реляции от 4 ноября 1711 г. Урбих сообщил канцлеру Головкину, что он обратился по поводу этого к некоторым чешским и немецким учёным и просил достать книги по данной теме. В ответ Урбих получил указания только на две книги авторов Franesly и Durot. В дальнейшем Урбих обратился к Лейбницу, который уже имел сношения с Петром и был непрочь поступить на русскую службу. Помощь Лейбница, впрочем, ограничилась небольшой запиской о происхождении славян. Он отождествил славян с сарматами, занимавшими в древности обширную территорию от Оби почти до Вислы; гунны, по мнению Лейбница, также были сарматами; из сар-

⁹⁰ Древние акты исторические (ДАИ). Т. XII, стр. 545.

⁹¹ Соловьёв С. Указ. соч. Т. III, стр. 1229.

⁹² Карнович Е. «Об участии России в освобождении христиан от турецкого ига». «Отечественные записки» № 2, стр. 364. 1878; Жигарев С. «Русская политика в восточном вопросе». Т. I, стр. 114. Оба приписывают Петру такие слова в грамотах, адресованных черногорцам, каких не найдём ни в одном списке этих грамот: «С русскими одного рода, одного языка».

⁹³ Турецкие дела 1716 г., д. № 4, л. 48—49. Письмо Галлани сохранилось только в канцелярском переводе, очень неудачном. Отсутствие итальянского подлинника не позволяет более детально передать взгляды Галлани по национальному славянскому вопросу.

матских племён в IX в. приобрели известность русские, которые были так могущественны, что держали в страхе Константинополь. Для более глубоких изысканий Лейбниц просил прислать ему Патерик и другие исторические памятники⁹⁴. В 1714 г. Савва Владиславич, разумеется, с согласия Петра, перевёл с итальянского сочинение по истории славян дубровчанина Мавра Орбини⁹⁵. Находясь в Астрахани и занятый приготовлениями к персидскому походу, Пётр не утратил интереса к славянству и потребовал, чтобы синод прислал к нему перевод упомянутой книги: «Книгу, которую переводил Савва Рагузинский о словенском народе с итальянского языка, другую, которую переводил князь Кантемир о магометанском законе, ежели напечатаны, то пришлите сюда, не мешкая; буде же не готовы, велите немедленно напечатать и прислать»⁹⁶.

В сербской народной поэзии мысль о племенной солидарности между русскими и сербами выражена очень отчётливо. В одной из песен воспроизводятся события 1711 года. Пётр обращается к черногорскому народу с призывом помочь в борьбе с турками: «...да избавим мы народ христианский и прославим славянское имя... висте с русма и единого рода, едне вере, едного езика». Но царь «помирился с турком, не по воле он, а по неволе: его турки окружили близу Прута, реки студеной». Тогда «восплакал и старый и малый»⁹⁷.

⁹⁴ Герье В. «Отношение Лейбница к России при Петре Великом», стр. 136—139.

⁹⁵ Заболотский «Очерки русского влияния в славянских литературах». Т. I, стр. 34.

⁹⁶ Соловьёв С. «История России». Т. IV, стр. 802.

⁹⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским, в. 8, стр. 267. О Сербских песнях, посвящённых Петру, см. у Заболотского.